

КУЛЬТ МЕДВЕДЯ

Для всех народов, проживающих в зоне тайги и тундры на территории Европейского, Сибирского и Американского Севера, характерно особое отношение к медведю. Очень широко культ медведя распространен у аборигенных этносов Сибири и Дальнего Востока: хантов и манси, ненцев, кетов, эвенов, эвенков, коряков, чукчей, камчадалов, юкагиров, айнов, орочей, ороков, нивхов, нанайцев, удыгейцев, ульчей [Соколова, 1972, с. 63 - 85]. Убиение медведя, свежевание туши, поедание мяса и забота об останках животного были обставлены у них целым рядом обрядов и церемоний, получивших название медвежьего праздника. У народов Сибири и Америки этот праздник приурочивался к удачной охоте на медведя. У обских угров известны также периодические праздники в честь медведя - предка одной из дуально-экзогамных половин общества - фратрии Пор. Народы Амура (ульчи, нивхи, орочи, ороки) и Сахалина (айны) для медвежьего праздника, связанного с культом умерших предков, убивали специально выращенного в неволе медведя. Содержанием праздника в честь убитого медведя были извинения перед убитым животным; перенесение его домой; чествование его пиром, песнями, жертвоприношениями; ритуальное приготовление и поедание его мяса; торжественные похороны останков.

Переплетение тотемических черт с особенностями промыслового культа в почитании медведя. Ритуальная трапеза

Сущность медвежьего праздника состоит в коллективном поедании мяса животного, а также в целом ряде церемоний, которые должны были, с одной стороны, снять вину с охотника за убийство запретного в

прошлом тотема, а с другой - обеспечить возрождение зверя. Ритуальное пиршество сопровождалось обрядами и плясками, которые восходят, очевидно, к ритуалу умножения тотема [Золотарев, 1934; Анисимов, 1950; Хайтун, 1956].

Североамериканские индейцы, убив медведя, подносили отрезанной голове дары и вместе с тем ели его мясо. Индейцы кроу на медвежьем празднике угощали гостей мясом, привязывали к столбу шкуру зверя и совершали ритуальные пляски [Аверкиева, 1959].

В медвежьем культе в обряде ритуального пиршества сочетались представления и церемонии тотемического и промыслового культов. Так, наряду с причащением мясом убитого животного совершалось умилоствление ("угощение") зверя, чтобы он не рассердился на убивших его людей и не пришел опять к ним. Промысловый культ - явление, вероятно, более позднее, чем тотемизм, и развился он, впитав в себя тотемические представления. И действительно, непременный признак тотемизма - запрет убивать животное-тотем, а промысловый культ, напротив, как следует из его названия, призван оправдать это убийство. Возможно, в ранние периоды развития родовой организации животное-тотем нельзя было убивать, но со временем этот запрет стал соблюдаться менее строго. В исключительных случаях (угроза голодной смерти или смерти от тотема-хищника) мясо животного разрешалось употребить в пищу, сопровождая это обрядами умилоствления тотема.

Фаллические обряды

В медвежьем празднике есть обряды явно древнего происхождения, цель которых - обеспечить сохранение и приумножение численности животных. Это так

называемые обряды фаллического типа. Они выражались в особом ритуальном отношении к половым органам медведя, в использовании во время танцев специально сделанных деревянных фаллосов, в исполнении сенок, песен и танцев эротического характера, наконец, в свободе отношений между полами во время праздника.

Обряды фаллического характера были зафиксированы у некоторых народов Сибири. У эвенков Хантайского озера после поедания мяса медведя его кости и череп в анатомическом порядке привязывали к шесту. Затем все мужчины, изображая по очереди борьбу с медведем, имитировали половой акт с ним. Во время праздника эвенки проводили особые обряды над половыми органами зверя, долганы тоже имитировали половой акт с убитым животным. У удэгейцев косточки медвежьего полового члена становились амулетом. Женщины, веря в то, что они исцеляют от бесплодия, передавали эти косточки по наследству. Нивхи и ороки надевали кожу с полового органа медведицы на специальные деревянные фигурные ложки, ковши, ножи, которыми пользовались на медвежьем празднике и хранили их в особом амбаре в тайге.

В этой связи следует упомянуть обычай североамериканских индейцев племен дакота: на ежегодном весеннем празднике размножения животных мужчины, переодетые бизонами (главный объект охоты этого племени), использовали специально изготовленные фаллосы для символического осеменения самок бизонов.

Таким образом, фаллические обряды как часть медвежьего праздника были пронизаны заботой о воспроизводстве животных.

Медведь - родственник человека

Медвежий культ у ряда народов Сибири и Америки носил родовой и фратриальный характер. Считалось, что в прошлом медведь был тотемом некоторых родовых и фратриальных групп, а значит, родственником их членов [Штернберг, 1936; Алексеенко, 1960; Васильев, 1948; Гурвич, 1948; Максимов, 1928; Потапов, 1929, 1935; Религии..., 1931; Религиозные верования..., 1931; Зеленин, 1929; Преображенский, 1910 - 1914; Серошевский, 1896; Василевич, 1969]. На обширной территории от Скандинавии до Северной Америки к нему обращались с уважением, как к людям пожилого возраста, и называли "отец", "дед", "дедушка", "старик" и т.д. Эвенки называли медведя *амака*, *амикан*, *эхэ*, *эхэк* (дед, старик), медведицу - *эбэкэ*, *эбэчи* (бабушка, старуха) или *атырканна* (большая старуха), кеты - *кыль* (дедушка), *бат* (старик), у них же для обозначения медведя имеется слово *кой* (отчим, мачеха, дядя с материнской стороны). Эвенки почитали медведя как дедушку, брата их прародительницы Дантры. Окружив берлогу, они брались за руки и пели:

«Дедушка медведь, наша бабушка, а твоя старшая сестра Дантра велела, говорила тебе: "Не пугай нас, умри"». Телеуты называли медведя *тай* (дядя по матери), *абогай* (дядя по отцу), шорцы - *тай* (дядя по матери), *улда* (старший брат отца). У орочей медведь - предок-родоначальник, у айнов - тотем-прародитель. Орочи, нанайцы, удэгейцы, ороки обращались к медведю как к уважаемому человеку пожилого возраста: *мана*, *мафа* (старик). Якуты называли его *эсэ* (родной дед), *омуга* (прадед), медведицу - *аба* (бабушка), удмурты - *посатой* (дед с отцовской стороны), индейцы-алгонкины - *надангвас* (мужчина старшего поколения). Выходя на след медведя, охотник-тлинкит просил: "Шурин моего отца*, пожалей меня. Дай мне удачу". Айны в таких случаях говорили: "Ласково встретит тебя мать-старуха".

Медведь подобен человеку

На связь медвежьего культа с тотемизмом указывают некоторые предания, повествующие о том, что некогда медведь был человеком или сверхъестественным существом, но его обратили в зверя. Ханты, например, верили в сверхъестественное прошлое медведя, спущенного на землю с небес, чтобы уничтожить грешных людей. Поэтому задранный медведем человек считался грешником, а убитый медведь - наказанным за провинность божеством. Медведь в представлениях многих народов был одновременно и зверем, и существом высшего порядка, и подобным человеку. У кетов медведь - "как человек, шкура - только одежда, как у нас". Вероятно, этим объясняется сходство известного обряда снятия шкуры с убитого медведя у многих народов. Шкура считается шубой медведя, и снимается она так же, как одежда с человека. Обские угры перед снятием шкуры поперек груди и живота медведя клали четыре (если это была самка) или пять (если это был самец) палочек, которые символизировали завязки на женской зимней одежде (в традиционной культуре якутов, коми-зырян, амурских народов, обских угров и др. медведь представлялся чаще всего в виде женщины). Эти палочки разрезали и таким образом имитировали развязывание шубы. После этого шкуру сдирали со всего туловища, кроме головы и лап. У одних народов было принято голову и лапы отрезать сразу, у других - в конце праздника.

Отведение вины за убийство медведя

У медвежьего культа есть черты сходства с промысловой магией. Их сближают обычай называть медведя подставными именами, а также некоторые обряды,

* Шурин отца или брат матери при матрилинейном счете родства был ближайшим родственником.

атмосфера таинственности, которыми сопровождаются сборы на медвежью охоту. О предстоящей охоте принято говорить мало, односложно, не называя медведя по имени (“надо зверя выслеживать”). У многих народов Сибири и Северной Америки существовал обычай обращаться к убитому медведю. Так, орочи, убив медведя, обнимали его и говорили: “Пришел, здравствуй, спасибо”. Это приветствие, как и ряд других обрядов, совершаемых над только что убитым зверем, имело целью умиловать медведя, отвести от себя вину за его смерть. У эвенков в медвежьей охоте принимали участие только сородичи и свойственники. При подходе к берлоге они говорили: “Дедушка, тебя убивает ворон”. Ханты и манси, айны, якуты, североамериканские индейцы после убийства медведя извинялись перед ним. В Африке такой же обряд извинения совершали перед леопардом. Тлинкиты на медвежьем празднике перед обрядом сожжения внутренностей зверя обращаются к его туше: “Я твой сородич. Я беден, поэтому я охотился на тебя”. Индейцы оттава из рода медведя устраивали после охоты праздник и извинялись за совершенное убийство. Кеты, подняв медведя из берлоги, убивали его со словами: “Ты не сердись, дедушка! Пойдем к нам в гости!”. Долганы будили медведя в берлоге криками и просили: “Удержи свой гнев”. Убив зверя, они водили вокруг его тела хоровод и говорили: “Не мы тебя убили, сам умер... Плохо не думай и впоследствии наших детей не трогай”. Эвенки киндигирской группы к медведю, находящемуся в берлоге, обращались так: “Не тунгус пришел к тебе, а якут заблудший! Помаленьку вылезай, отец”. У норвежских охотников после убийства медведя принято говорить: “Не я тебя убил, а ружье убило”.

Забота о костях и черепе медведя

Большинство народов Сибирского и Американского Севера проявляли особую заботу о черепе и костях медведя: их не разрешалось выбрасывать, рубить, ломать, можно было разделять лишь по суставам. После ритуальной трапезы череп и кости собирали и хранили на особых помостах, в амбарах, в глухих местах леса, вешали на деревья, пни, столбы, шесты. В конце XIX - начале XX в. в ряде случаев кости зарывали в землю, бросали в озеро вдали от поселка, а череп вешали на дерево в лесу. Эвенки кости головы оплетали прутьями и хоронили вместе с костями скелета (иногда с кусочками мяса) на высоком кедровом пне. Голова, лапы, шкура медведя были предметом особого почитания. Эвенки, юагиры, амурсахалинские народы, финны, североамериканские индейцы собирали кости медведя в анатомическом порядке, связывали и хоронили на помосте в определенном месте. Считалось, что так можно помочь оживлению, возрождению зверя. С этой же целью гла-

за, уши, язык, половые органы, кожу с носа медведя отрезали и хранили особым способом (чаще всего вешали на дерево в специальном месте). У некоторых народов глаза медведя проглатывал убивший его охотник. У эвенков глаза торжественно вынимали, завертывали в бересту и хоронили в лесу на кедре. Кожу с носа медведя было принято снимать и сохранять у многих народов - и у саамов и финнов на западе, и у айнов на востоке. Кетские охотники, надев маску из кожи, снятой с лобно-носовой части и губ зверя, изображали его на празднике, который устраивался в честь удачной медвежьей охоты.

Культ медведя у народов Сибири

Переплетение особенностей, присущих тотемизму и промысловому культу, характерно для медвежьего культа у эвенков [Анисимов, 1950; Василевич, 1969, с. 216 - 218, 235 - 238; Енисейский округ..., 1865, с. 135]. Охота на медведя, приготовление и поедание его мяса сопровождалась у них церемониями тотемистического и промыслово-магического характера. Охотились поздней осенью или ранней весной. Обнаруживший берлогу охотник, возвращаясь домой, делал заметки на деревьях. При подходе к стойбищу он исполнял танец ворона: вытягивал вперед шею, размахивал руками, как крыльями, кричал по-вороньи. Из чумов выскакивали охотники, прыгая вокруг чумов, они тоже изображали воронов. Затем в чуме собирался охотничий совет, на котором в иносказательной форме охотник рассказывал о своей находке; здесь же намечался план охоты. Рано утром отправлялись на охоту. При этом все ее участники должны были придерживаться определенных запретов: при выходе из чума не разрешалось наступать на его порог, оглядываться, оставшиеся на стойбище до ухода охотников не могли выглядывать из чумов, а также расчесывать волосы, мыть руки, брать острые предметы.

Перед берлогой охотники устанавливали крест-накрест колья, старший из охотников шевелил медведя шестом. Когда показывалась голова, в зверя стреляли, и, если он выскакивал из берлоги, кололи его пальмой (острый нож, укрепленный на древке), а если нет, то старший из охотников залезал в берлогу к убитому медведю и, обращаясь к нему с просьбой об удаче в промысле, накидывал на него аркан. Охотники тащили тело со словами: “Дедушка, потише, дедушка, полегче”. Вытащив медведя, охотники устраивали вокруг него танец воронов - изображали, как они летают, клюют, дерутся, кричат. В форме пантомимы показывали и то, как на крик воронов сбегаются звери (волк, лиса, горноста́й), прилетают кедровки. Таким образом вина за убийство медведя переносилась с человека на зверей. Для того, чтобы душа медведя вышла из тела, старший из охотников раскрывал ему пасть, вставлял туда

палочку длиной 8 - 10 см и говорил при этом: “Дедушка, зевай”. Затем он давал знак охотникам снимать шкуру: “Дедушка, шкуру снимать будем, муравьев много”.

У эвенков медведь считался младшим братом матери. Известен также миф о браке девушки и похитившего ее медведя. Медведь встретил брата девушки и, будучи смертельно раненным его стрелой, признался, что он его зять. Умиравший зверь велел зятю (охотник из рода жены) снять с него шкуру и похоронить. Поэтому у эвенков только зять охотника мог снять и забрать шкуру с медведя, а также свежевать тушу. Во время снятия шкуры охотник “вел диалог” с медведем о жизни зверя и его смерти. Медведь сообщал, что его убили пуля и ружье, а охотник убеждал “собеседника”, что тот, играя с ружьем, сам убил себя. Тут же в лесу во время свежевания туши доставали сердце и печень, но не отделяли их от горла и головы. Старший из охотников разрезал сердце и первым съедал один из кусков, за ним в порядке старшинства объедали сердце остальные охотники, при этом они каркали по-вороньи. При свежевании тело расчленили по суставам. Уходя из леса, охотники вынимали брюшину медведя, относили в сторону и стреляли в нее из маленького ритуального лука. Подобный обряд совершают и при прощании с умершим человеком - пятаются и стреляют в направлении могилы. При возвращении в стойбище с добычей охотники опять каркали по-вороньи. Жители стойбища отвечали так же. В центре стойбища разводили огонь, варили на нем мясо и устраивали праздник с танцами, играми, состязаниями.

Медвежье мясо варил зять охотника. Он же криком ворона давал знать, что мясо готово. Все, намазав лица сажей и изображая стаю ворон, приближались к костру. После еды снова плясали, состязались в прыжках с шестом в высоту, через аркан, в стрельбе из лука. Веселье продолжалось до поздней ночи.

Утром происходила церемония вынимания глаз из черепа медведя. Глаза, которые вынимал старший из охотников, завертывали в бересту и хоронили на кедре. После этого возобновлялись танцы, игры, угощение у костра. У некоторых групп эвенков существовал обряд приготовления сердца, а также других внутренностей медведя с топленным салом и поедания этого блюда. Оно готовилось в специальном котле. Сердце и другие внутренние органы, как считалось у многих народов, были средоточием жизни, поэтому к ним относились особо.

На третий день варили голову медведя, ели с нее мясо, а кости черепа оставляли на пне. Иногда кости медведя собирали на помосте в виде скелета.

Очень интересный комплекс обрядов и церемоний медвежьего культа зафиксирован у кетов [Алексеенко, 1967, с. 173 - 176]. В нем также прослеживаются тотемические черты (вера в родство с медведем, обычай

выращивания медвежат, клятвы на медвежьей шкуре и пр., ритуальное поедание мяса убитого медведя, медвежья пляска, “похороны” костей медведя), а также особенности промыслового культа (подставные имена медведя, вера в то, что медведь понимает язык человека, меры предосторожности на медвежьей охоте, бережное отношение к костям, черепу, шкуре медведя). Своеобразен обычай кетов выращивать медвежат, взятых от убитой медведицы. Содержала их бездетная семья. Медвежонка, о котором заботились, как о ребенке, и называли дочкой или сыном, держали в чуме, водили в гости, угощали лакомствами, надевали на него ожерелье-ошейник, серьги и браслеты из меди. Когда медвежонок подрастал, его брали на охоту - чтобы предупреждал о приближении дикого медведя. После трех лет медвежонка с надетыми на него украшениями отпускали в тайгу. Всех предупреждали, что отпускают “сына” или “дочь”; выращенного медведя никогда не убивали.

У камчадалов тоже существовали табу и церемонии, связанные с культом медведя. Запрещалось, например, наступать на след медведя. После удачной охоты на медведя полагалось устраивать праздник с пляской и угощением. Хозяин обносил всех присутствующих куском мяса, отрезая от него кусочки острым ножом у самого рта гостя. Медвежий череп обвивали сладкой травой, приносили ему подарки, извинялись за убийство (“русский убил”), уговаривали медведя не сердиться и сообщить родичам, что его хорошо принимали.

Коряки по случаю добычи медведя также устраивали праздник. Шкуру снимали вместе с головой и торжественно несли в дом. Навстречу процессии выходили женщины с факелами. Одна из женщин, нарядившись в медвежью шкуру, танцевала и уговаривала медведя не сердиться, быть милостивым. На особую дощечку клали мясо и “угощали” медведя: “Ешь, приятель” [Крашенинников, 1949; Jochelson, 1908].

Медведь у обских угров

Медвежий праздник у обских угров (ханты и манси) - наиболее яркий комплекс празднично-ритуальных церемоний [Авдеев И.И., 1936; Авдеев А.Д., 1959; Харузин, 1899; Sokolova, 1982; Соколова, 1971, 1976, 1982; Кулемзин, 1984; Лукина, Кулемзин, Титаренко, 1975; Геммуев, 1985]. Его своеобразие заключается в том, что он сопровождается театрально-драматическими представлениями. Кроме того, как уже отмечалось, в прошлом это был периодический праздник членов фратрии Пор. Его справляли в течение семи лет, затем наступал семилетний перерыв. Ранее праздник бытовал лишь у членов фратрии, и это свидетельствует о его древности. В ряде мифов говорится о превращении медведя в человека и человека в медведя. Считалось,

что из человека в медведя превратился сын женщины Мось. В традиционных песнях вина за убийство зверя отводилась на людей фратрии Мось, у которых не было запрета убивать медведя и есть его мясо. Лишь позднее, с утратой некоторых древних черт праздника, вина стала переноситься на русских, принесших огнестрельное оружие (“не я тебя убил - русское ружье тебя убило”). Первоначально на медвежью пляску (так называется медвежий праздник у обских угров) допускались лишь члены фратрии Пор, со временем было позволено присутствовать всем, даже русским.

Спорадические праздники по случаю удачной охоты на медведя развились позже, с отмиранием фратриальных обрядовых функций или тотемического запрета убивать медведя-предка. У всех групп обских угров эти праздники распространялись по мере трансформации медвежьего культа в общеплеменной. Известно, что уже в XIX в. все манси считали медведя сыном или дочерью главного бога Нуми-Торума, который представлялся им в виде человекообразного медведя (“зубастый”, “с когтями на руках”).

Церемонии с телом медведя, праздник

Люди, приходившие в дом, где находилась медвежья шкура, должны были пройти обряд очищения. Он заключался в том, что летом всех участников праздника обрызгивали водой, а зимой обсыпали снегом. Спорадические праздники проводились в полнолуние в течение нескольких ночей: по поводу убийства медвежонка трех, медведя - пяти, медведицы - четырех. Периодические праздники начинались во время зимнего солнцестояния в декабре и после перерыва заканчивались в марте, в период весеннего равноденствия.

В лесу с убитого медведя снимали шкуру, но оставляли нетронутыми голову и лапы. Шкуру свертывали на столе в переднем углу дома охотника и на нее укладывали лапы и голову медведя. Периодические праздники справлялись в особом общественном доме, сооруженном в пос. Вежакары на Оби - в центре фратрии Пор. Голову медведя украшали платками, лапы - кольцами, на нос надевали берестяной кружок. Женщины не должны были смотреть на медведя и целовать его в губы и нос. В отличие от мужчин они целовали медведя через платок. Кроме того, от убитого медведя, как и от определенной группы родственников мужа, женщины закрывали лицо платком. Мужчины располагались в одной части дома, женщины - в другой, ближе к двери. Старшая в доме женщина зажигала перед медведем чагу (нарост на березе) и ставила ему угощение (рюмку водки, рыбу, сушки и т. п.). Около шкуры сидели убивший медведя охотник и старик, руководивший праздником*. Каждый приходящий на праздник приносил медведю подарок - ленточку, лоскуток, монету. В жертву медведю убивали оленя или коня. Перед

медведем ставили также выпеченные или слепленные из теста фигурки оленей, лосей, птиц и т.п.

Праздник начинался с песен, восхваляющих медведя. Затем исполнялись танцы предков, зверей, сцены охоты на них, женские, мужские, коллективные танцы, драматические сценки. Ритуал плясок по случаю удачной охоты на медведя напоминает фратриальный праздник, но является как бы его сокращенным вариантом. В конце праздника вдали от поселка, в “чистом” месте, днем начинали варить мясо медведя. Занимались этим мужчины. Они же приносили готовое мясо в дом и раздавали его гостям. Медвежье мясо ели специальными палочками. Голову, а также лапы и сердце мужчины варили отдельно в лесу и там же ели. Женщины не могли есть мясо с головы и передней части медвежьей туши. После коллективной трапезы гасили свет, и все присутствующие “засыпали”. В это время раздавался голос: “К Верхнему духу поднимается (медведь. - З.С.)”.

Кости медведя нельзя было ломать, разрубать. Во время трапезы их собирали в мешок и вместе с черепом относили на священное место, в специальный амбар, где хранились маски, посуда и другие атрибуты праздника. Иногда череп медведя вешали на дерево. На Казыме его хранили надетым на высокий пенек.

Особо относились и к шкуре медведя. Ее нельзя было выдирать, продавать. Охотник хранил ее в специальном ящике в переднем углу дома. Во время “медвежьей присяги” клялись на шкуре или лапах медведя. Считалось, что за нарушение клятвы человека ждало наказание от самого медведя. Ленты, лоскутки, кольца и прочие приношения медведю после окончания праздника вешали на специальное дерево.

Драматические представления

Проведением праздника руководили один или несколько стариков, знающих “медвежий фольклор”. Количество пропетых песен отмечали зарубками на палочке. Каждой ночью сначала исполнялись песни. В них восхвалялся медведь, рассказывалось также о происхождении фратрии Пор и установлении медвежьих обрядов, о происхождении и жизни медведя, о том, как он сделал берлогу, как его выследил охотник, как он погиб и т.п. Песни сопровождалась пляской. Исполнители в выразительных пантомимах подражали повадкам зверей, изображали охотников. Пение

* Нередко такого человека называют шаманом. В действительности медвежий культ не был связан с шаманством. У нивхов, а также ненцев, якутов, хантов, манси и других народов, например, шаман не мог устраивать камлания во время медвежьего праздника, это считалось оскорбительным по отношению к медведю. Шаман участвовал на медвежьем празднике наравне с прочими его участниками.

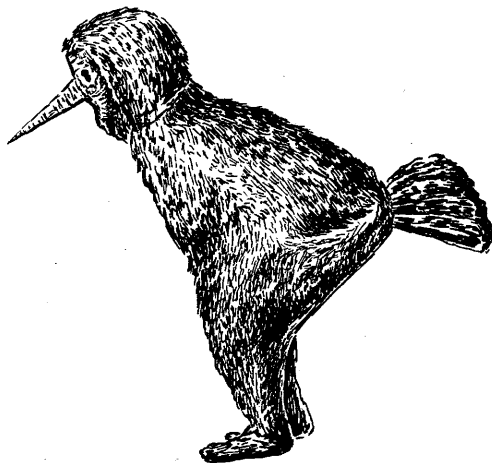

Рис. 1. Исполнитель роли петуха на медвежьем празднике у манси (рисунок В.Н. Чернецова).

и пляски проходили под аккомпанемент национальных струнных инструментов.

Во второй половине ночи начинались драматические представления. В течение праздника можно было наблюдать более 100 разнообразных сцен, которые никогда не повторялись. По содержанию их можно разделить на несколько групп: 1) сцены, характеризующие жизнь медведя; 2) эпизоды охоты и рыбной ловли; 3) песни и пляски зверей и птиц; 4) сцены встречи охотников с духами гор, леса, воды; 5) бытовые зарисовки. «Актерами» были только мужчины, они же, переодевшись в женскую одежду, исполняли женские роли. Все были в берестяных или деревянных масках. Между интермедиями плясали женщины.

Звери и птицы - персонажи плясок - изображались очень реалистично. Такой эффект достигался благодаря искусной имитации их повадок и костюмам. Так, исполнитель роли филина выступал в одежде из оленьих шкур мехом наружу (*зусь*) с птичьими крыльями в руках.

Во время плясок предков, антропоморфных животных (например, женщины-лягушки с Северной Сосьвы, старика-ястреба с Малой Оби и др.), как и при изображении драматических сценок, использовалась обычная одежда для ряжения, а также деревянные и берестяные маски. Антропоморфную маску, к которой пришивали длинный нос, раскрашивали сажей. Для создания образа, например петуха, подол малицы завязывали в виде хвоста (рис. 1). Для изображения ружья, топора, копья или весла использовали специально вырезанные посохи.

Бытовые сцены носили комический и сатирический характер. В них высмеивались лень, трусость, глупость, нерадивость, неряшливость и другие пороки людей. Нередко критика была направлена в адрес конкретных лиц, причем сходство с ними передавалось

талантливыми импровизаторами путем подражания их привычкам, передачей каких-то особенностей. При этом никто не должен был обижаться на исполнителей. К ним относились как к посторонним людям, пришедшим на праздник из других мест. Когда «актеры», сняв маски, возвращались после представления в дом (в помещении, где шло представление, сцены и занавеса не было, поэтому участники драматических представлений переодевались в близлежащем сарае или амбаре), хозяин обязательно спрашивал их: «Люди здесь веселились, где вы были весь вечер?». На это они отвечали: «Да? Нам ничего неизвестно, мы все время крепко спали».

К наиболее древним элементам медвежьего праздника относятся песни, пляски и сцены, в которых изображались медведь и другие животные и птицы. В прошлом эти танцы-пантомимы были, вероятно, ритуальными тотемическими плясками. Позже сложилась традиция изображать зооантропоморфных предков. А со временем ритуал праздника дополнился бытовыми и сатирическими сценками.

Культ медведя у народов Амура и Сахалина

Медвежий праздник у народов Амура и Сахалина отмечается очень своеобразно [Штернберг, 1936; Васильев, 1948; Смоляк, 1961; Цинциус, 1971]. Согласно бытующему у них медвежьему мифу, женщина и медведь, запечатленный в образе горного человека, стали родителями медвежонка. Горный человек похитил женщину и в лесу около раздвоенного дерева («где береза с елью срослись») овладел ею. Женщина превратилась в медведицу и родила медвежонка, которого с тех пор люди стали ловить для медвежьего праздника. В обрядах медвежьего праздника нередко встречается эта деталь мифа - раздвоенное дерево.

Содержание медведя в неволе

Одна из особенностей медвежьего культа у нивхов, ульчей, ороков, орочей, айнов - содержание медвежонка в неволе - в специальной клетке в форме сруба недалеко от дома*. Медведя кормили через особое окошко в срубе с помощью ложки с длинной ручкой,

* Содержание различных животных в клетках широко практиковалось в странах Америки, Азии, Африки. Например, на Формозе каждый род или деревня считали своим покровителем животное, которое они выкармливали в клетке. В Австралии содержали змей, в Америке и на Сахалине - орлов. Айны выращивали в клетках при домах лисиц, енотов, филинов, орлов, ястребов. Воспитание зверей в неволе было известно и в Сибири, например, у обских угров, хотя здесь связь этого обычая с культом животных-покровителей не установлена. Мотив выкармливания животных, птиц отмечен и в сказках, что свидетельствует о древности традиции.

на цепи выводили на прогулку. Если медвежонок был совсем маленький, его выкармливала грудью женщина. Нанайцы (гольды) называли медвежонка своим братом и сыном и ласково обращались с ним.

Праздник медведя

Праздник устраивали обычно в сентябре - октябре. Накануне айны извинялись перед богами за то, что не могут больше содержать медведя и должны его убить, а также сообщали о хорошем обращении с ним "все время". Праздник проводил хозяин медведя, но участвовали в нем все жители поселка. Хозяин, а за ним и гости "угощали" вином очаг и изображение домашнего духа, хранившееся в священном углу дома. В это время женщина, вырастившая медведя, плачем выражала свою печаль по поводу его предстоящего убийства.

Перед убийством айны, орочи, ульчи, нивхи водили медведя по всем домам селения. "Шествие с медведем" - драматическое воплощение сюжета медвежьего мифа. Во время него медведь и его спутники изображали отдельные эпизоды мифа, в которых отображался тот путь, который должен пройти зверь, отправляясь к своим прародителям. Медведя встречали в каждом доме как дорогого гостя и угощали специально приготовленной едой (студень из рыбьей кожи), подавая ее на особой ложке с длинной ручкой. Посещение священным зверем каждой семьи должно было принести ей благополучие.

У айнов все участники медвежьего праздника отправлялись к клетке с медведем, совершали перед ним возлияние вином и давали несколько капель вина и зверю. Женщины и девушки плясали перед клеткой. Женщина, вскормившая медведя, вместе с другими пожилыми женщинами, которые раньше тоже вскармливали медведей, со слезами на глазах протягивали к нему руки и исполняли особую пляску. После целого ряда ритуальных действий животное выпускали из клетки, накидывали ему на шею веревку и, всунув в пасть палку, душили его. У народов Амура перед тем как убить, на медведя надевали два специально сплетенных из травы пояса, к которым привязывали мешочки с листовым табаком, съедобными кореньями и клубнями сараны, брусникой. На уши медведю надевали сделанные из стружек наушники. Этот обряд напоминает бытовавшие у амурских народов погребальные обряды: покойника собирали в загробный мир так же, как охотник снаряжался на промысел.

Ритуальное убийство медведя могло происходить и на "стрельбище" недалеко от селения, в "чистом" месте. Оно представляло собой прямоугольную площадку, ограниченную с трех сторон молодыми елочками, у которых несрезанными оставались лишь верхушки. С четвертой стороны прямоугольник был

огражден плетнем или циновками. У айнов здесь находился раздвоенный столб - "столб для отсылания медведя". В мифе говорилось, что с этого места начинается путь медведя к "хозяину гор". По одной половине раздваивающегося столба медведь "отсылался", по другой - "возвращался" к людям в новом году. Около ограды медведя привязывали к двум столбам и убивали из лука; при этом было важно, чтобы зверь сам подставил под выстрел "удобное" место (считалось хорошим признаком, если животное умирало сразу). Затем происходили церемонии снятия шкуры, встречи ее и празднество. Голову и шкуру медведя выставляли в маленьком амбарчике на стрельбище. Тут же убивали (душили) собаку, ее голову, шкуру и кости клали около амбарчика. Считалось, что она провожает душу медведя в загробный мир.

Особые почести воздавались голове медведя; ни одна капля медвежьей крови не должна была быть затоптана. Нивхи и айны тело медведя, его голову или шкуру вместе с головой выставляли в доме на специальном помосте-навесе (рис. 2) либо на циновке, перед ним ставили еду и питье, медведицу украшали ожерельями и серьгами. Начиналось веселье, пиршество с танцами, в которых танцующие подражали движениям медведя.

У нивхов для приготовления мяса медведя разводили огонь, который зажигали родовым огнивом, имеющим священное значение. Затем происходило ритуальное приготовление и поедание мяса. В последнюю очередь ели мозг и внутренности.

Айны после ритуального убийства медведя кровь собирали в чашки, но пить ее могли только мужчины. Сырую печень делили на мелкие кусочки между всеми и ели с солью. На следующий день готовили медвежье мясо и также делили его между участниками праздника. Считалось, что после ритуальной трапезы люди становились более храбрыми. Женщины не могли есть голову, сердце, лапы медведя.

Расстреливали животное из луков, ели его мясо, получали шкуру не "сородичи" медведя, а представители другого рода, они были связаны с устройством праздника браками. "Сородичи" медведя не могли убивать его, есть его мясо, дотрагиваться до его шкуры. По обычаю в медведя стрелял зять членов рода, устраивавших праздник, и если он не убивал медведя тремя стрелами, то платил хозяину праздника штраф за мучения его "родственника".

Во время хождения с медведем по селению, его убийства, при встрече головы и шкуры играли на барабане - специальном ритуальном инструменте в виде длинного бревна ("музыкальное бревно"), на одном конце которого была вырезана голова медведя. Бревно подвешивали к особым наклонно установленным жердям. Жерди, как и само бревно, а также раздвоенный столб и столбы, к которым привязывали зверя на

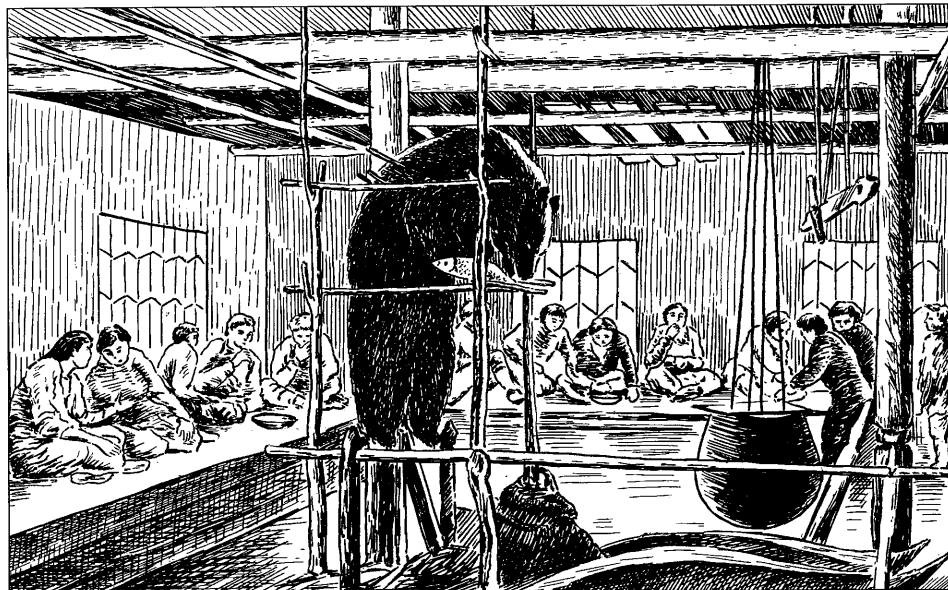

Рис. 2. Медведь в доме у нивхов (по [Атлас по истории..., 1930]).

“стрельбище”, череп медведя обвязывали особыми длинными стружками *инау*, имевшими важное значение в ритуале.

По окончании праздника череп и кости медведя хоронили на “медвежьем кладбище” - устанавливали на особых помостах или пнях в тайге. Медвежья могила считалась священной. Череп и уши медведя вешали на дерево, это будто бы помогало защититься от злых духов. Орочи, нивхи и айны говорили медведю прощальные речи на “стрельбище” перед его убийством, а также обращались к черепу по окончании праздника и при установлении его на “кладбище”. Кроме того, они “кормили” его, ставили около черепа водку, табак, ягоды, корнеплоды и т.п. Слова молитвы были обращены, однако, не к самому медведю, а к лесному духу, который посылал человеку добычу, в том числе и медведей. Нивхи верили, что через несколько дней, по окончании медвежьего праздника, когда мясо будет съедено, а кости положены в могилу или в священный амбар, медведь, живой и невредимый, в сопровождении нескольких собак, которых убивали для него, с подарками и украшениями побежит к “хозяйину” самой высокой горы. Убивая медведя, нивхи говорили: “Через год приди, смени свою шерсть, чтобы на тебя снова посмотреть”.

Особенности амуро-сахалинского культы медведя

У амуро-сахалинских народов медвежий праздник был приурочен к поминкам умершего родственника. Большое влияние на него оказали погребальные обряды, культ предков, промысловый культ, южные земледельческие культы. В медвежьем празднике этого типа

можно различить два пласта - древний, имеющий сходные черты с медвежьим культом северных народов, и более поздний, местный. К древнему пласту можно отнести обычаи, связанные с охотой на медведя, например табуирование имени, соблюдение правил сборов на охоту и др. Местному пласту принадлежат обычаи содержания медведя в клетке, подпиливания и чернения ему зубов, использования стружек *инау*, сооружения специального “стрельбища” для умерщвления зверя, приурочивания медвежьего праздника к поминкам сородичей.

У амуро-сахалинских народов медвежий праздник, став со временем общенародным и несколько видоизменив свой первоначальный характер, проявляет целый ряд черт, которые связывают его с родовым тотемическим праздником. В этой связи привлекают внимание такие его особенности, как выкармливание медвежонка грудью, отношение к медведю как к сородичу (брату, сыну и т.д.), важная роль рода жены на празднике (убийство животного, поедание его мяса), разведение очага для приготовления мяса родовым священным огнем, подражание во время пляски движениям медведя, ритуальное вкушение его крови, мозга, печени, иных внутренностей, а затем и мяса, в прошлом, вероятно, запретного в обычное время, особое отношение к черепу, шкуре, похороны костей.

Культ медведя у других народов мира

Нельзя не отметить, что возникновение и развитие культа медведя было обусловлено боязнью этого грозного хищника. Суеверный страх перед этим хозяином тайги порождал особое к нему отношение и многие обряды, направленные на умиловление зверя.

Среди народов, проживающих от Каспийского моря до Тянь-Шаня, в Сибири и на европейской части России, существовали поверья о том, что медведь раньше был человеком. Его мясо в Средней Азии ели лишь в лечебных целях. Осетины считали медведя своим родственником; они не убивали его и никогда не использовали его шкуру.

В прошлом культ медведя был распространен, очевидно, еще шире. Русский обычай вождения медведя восходит, по всей видимости, также к древнему культу медведя. В русских народных сказках сохранилось уважительное отношение к медведю. Его называли “царь-медведь”. Считалось, что раньше медведь был человеком, он покровительствует людям, помогает им в борьбе с чертями. Для защиты от нечистой силы крестьяне вешали в конюшне медвежью голову, окуривали дом и надворные постройки дымом паленой медвежьей шерсти, зазывали в дом вожака с медведем и просили его обвести зверя вокруг двора. На основе этого культа развились, очевидно, обрядовое вождение медведя, а также традиция наряжаться в его шкуру, получившая широкое распространение на Руси. Церковь преследовала подобные церемонии; сохранились проповеди, изобличавшие “бесовские” обряды, участники которых рядились в звериные шкуры, плясали и пели песни.

Западные чехи наряжали медведем парня, окутанного гороховой соломой. В каждом доме он плясал с девушками и женщинами; считалось, что его появление содействовало плодородию. В Польше на святках на тележке возили человека в козьей шкуре, изображавшего медведя, и двух человек, обвитых гороховой соломой. Перед каждым домом ряженный рычал. Считалось, что девушка, услышавшая его первой, в скором времени должна выйти замуж. Эти обряды - не что иное, как переживание древнего культа животных. Вождение медведя (а в некоторых местностях козы или козла) не было простой забавой, оно имело цель содействовать хорошему урожаю, а также плодovitости женщин.

При анализе древней мифологии выявляется зооморфный характер многих богов и богинь. Например, древнегреческая богиня Артемида имеет прямое отношение к культу медведя. В ее честь устраивали празднества, на которых в жертву приносили медведей. Имя богини происходит от греческого слова, означающего “медведь”. В древней Греции девочек в возрасте 5 - 10 лет называли медвежатами, они должны были подражать повадкам медведей, участвовать в ритуальных плясках с медведями на празднике в честь Артемиды (прирученный медведь постоянно содержался при храме богини). Таким же характером обладала богиня Артио, покровительница жителей Берна в Швейцарии. В этом городе медведей содержали в клетке на центральной площади.

Наблюдаемое у всех народов на огромных территориях Северной Европы и Северной Америки сходство обрядов - признак большой древности церемоний, связанных с почитанием медведей и восходящих к периоду верхнего палеолита. Табуирование имени медведя, отношение к нему как к “священному зверю”, запрет убивать его и есть его мясо, мифологическая часть праздника свидетельствуют о почитании медведя как родственника, об отождествлении его с человеком (вера в превращение людей в медведей и наоборот, в возможность сексуальных отношений между людьми и медведями). Коллективное поедание мяса медведя - причастная трапеза, аналогичная вкушению мяса тотема. Считается, что медведь после своего возрождения покровительствует членам рода или фратрии. Вместе с тем в почитании медведя много черт промыслового культа: обычай давать подставные имена, отведение вины за его убийство, особое отношение к шкуре, костям и черепу и др. В ряде случаев медведь превращается в культурного героя.

Таким образом, почитание медведя и связанные с ним церемонии - сложный зоолатрический культ, сложившийся в течение длительного времени. В нем переплелись элементы разного свойства и происхождения: суеверный страх перед хищником, представления и обряды родового и фратриального тотемизма, промыслового культа, а также культа предков (у народов Амура и Сахалина). При всех общих чертах культа медведя у разных народов формировались и специфические, этнические его черты, особенно ярко представленные у обских угров и амуро-сахалинских народов.

Список литературы

- Авдеев А.Д.** Происхождение театра. - Л.; М.: Искусство, 1959. - 266 с.
- Авдеев И.И.** Песни народа манси. - Омск: Огиз, 1936. - 127 с.
- Аверкиева Ю.П.** К вопросу о тотемизме у индейцев северо-западного побережья Северной Америки // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований // ТИЭ. Нов. сер. - М., 1959. - Т. 51. - С. 250 - 265.
- Алексеев Е.А.** Культ медведя у кетов // СЭ. - 1960. - № 4. - С. 90 - 104.
- Алексеев Е.А.** Кеты: Ист.-этногр. очерки. - Л.: Наука, 1967. - 262 с.
- Анисимов А.Ф.** Культ медведя у эвенков в проблеме эволюции тотемистических верований // Вопросы истории религии и атеизма. - М.: Изд-во АН СССР, 1950. - С. 303 - 323.
- Василевич Г.М.** Эвенки. - Л.: Наука, 1969. - 304 с.
- Василевич Г.М.** О культе медведя у эвенков // Религиозные представления и обряды у народов Сибири в XIX - начале XX века. - Л.: Наука, 1971. - С. 150 - 169.
- Васильев Б.А.** Медвежий праздник // СЭ. - 1948. - № 4. - С. 78 - 104.
- Гемуев И.Н.** Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // Урало-Алтаистика: Ар-

хеология. Этнография. Язык. - Новосибирск: Наука, 1985. - С. 137 - 144.

Гурвич И.С. Охотничьи обычаи и обряды у населения Оленекского района // Сб. материалов по этнографии якутов. - Якутск: Б.и., 1948. - С. 74 - 94.

Енисейский округ и его жизнь. - СПб.: Б.и., 1865.

Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. - Л.: Изд-во АН СССР, 1929. - 151 с.

Золотарев А.М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. - Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. - 52 с.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. - М.: Географгиз, 1948. - Т. 2. - 296 с.

Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. - Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1984. - 191 с.

Лукина Н.В., Кулемзин В.М., Титаренко Е.М. Ханты р. Аган // Из истории Сибири. - Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1975. - Вып. 16. - С. 130 - 177.

Максимов А.Н. К вопросу о тотемизме народов Сибири // Учен. зап. / Ин-т истории. - М., 1928. - Т. 7. - С. 3 - 14.

Потапов Л.П. Охотничьи обряды и поверья у алтайских турков // Культура и письменность Востока. - Баку: Б.и., 1929. - Кн. 5. - С. 123 - 149.

Потапов Л.П. Следы тотемических представлений у алтайцев // СЭ. - 1935. - № 4/5. - С. 134 - 152.

Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. - М.: [Тип. Г. Лисснера и Д. Собко], 1910 - 1914. - Т. 1. - 674 с.; т. 2. - 416 с.

Религии наименее культурных племен: Сб. этногр. материалов. - М.; Л.: Моск. рабочий, 1931. - 327 с.

Религиозные верования народов СССР: Сб. этногр. материалов. - М.; Л.: Моск. рабочий, 1931.

Сорошевский В.Л. Якуты. - СПб.: Изд-во ИРГО, 1896. - Т. 1. - 719 с.

Смоляк А.В. Некоторые вопросы происхождения народов Нижнего Амура (о так называемом айском компоненте в медвежьем празднике амурского типа) // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961. - С. 337 - 344.

Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX - начале XX века. - Л.: Наука, 1971. - С. 211 - 238.

Соколова З.П. Культ животных в религиях. - М.: Наука, 1972. - 213 с.

Соколова З.П. Страна Югория. - М.: Мысль, 1976. - 119 с.

Соколова З.П. Путешествие в Югру. - М.: Мысль, 1982. - 173 с.

Хайтун Д.Е. Пережитки тотемизма у народов Сибири и Дальнего Востока // Учен. зап. / Таджик. гос. ун-т. - Сталинабад, 1956. - Т. 14. - С. 111 - 142.

Харузин Н.Н. Медвежья присяга и тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов. - М.: Б.и., 1899. - 72 с.

Цинциус В.И. Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX - начале XX века. - Л.: Наука, 1971. - С. 170 - 200.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. - Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1936. - Т. 4. - 572 с.

Jochelson W. The Korjak // Jesup North Pacific Expedition. - Leiden; N.-Y; 1908. - Vol. 6, pt II.

Sokolowa S. Das Land Jugorien. - Moskau; Leipzig, 1982.

Материал поступил в редколлегию 15.11.99 г.